

СРІНА РОЗ

ПРОЩАННЯ
С КАЛІПСО

Дневники Каліпсо

18+

Арина Роз

Прощание с Калипсо

«Автор»

2026

Роз А.

Прощание с Калипсо / А. Роз — «Автор», 2026

ФИНАЛ горячих поисков Вики своего единственного, горячего и властного... не пропустите! Уже месяц я живу в норвежской сказке: властный мужчина, роскошный дом у фьорда и идеальный роман. Но за снежной тишиной, за его властной нежностью скрывается вопрос: действительно ли Стефан — мужчина моей мечты? Или этот идеальный мир — всего лишь золотая клетка?

© Роз А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Рождественские традиции	5
Глава 2. Экзамен для хозяйки	10
Глава 3. Первое Рождество	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Арина Роз

Прощание с Калипсо

Глава 1. Рождественские традиции

Стою у окна кухни, держу в руках горячую кружку кофе. За стеклом кружится снег — первый серьезный снегопад этой зимы.

Крупные хлопья медленно опускаются на террасу, на перила, на темную гладь фьорда вдалеке.

Я живу здесь уже целый месяц, но до сих пор не могу привыкнуть к этой всепоглощающей тишине.

— На что смотришь? — голос Стефана за спиной низкий, хриплый. Он подходит, обнимает меня сзади. Его руки ложатся поверх моих на кружке.

— На снег. Так красиво.

— Скоро Йоль, — говорит он, целуя меня в макушку. — Пора готовиться.

— Йоль?

— Рождество.

Поворачиваюсь в его объятиях. Стефан выглядит довольным — глаза прищурены, на губах легкая улыбка.

Он всегда так выглядит по утрам, когда планирует день за нас обоих.

— Что значит «готовиться»? — настороженно спрашиваю я.

— Увидишь. Одевайся теплее.

Он не объясняет детали. Никогда не объясняет. За этот месяц я поняла, Стефан не привык отчитываться перед кем-то.

Он решает, планирует, действует. А я следую за ним.

Раньше меня бы это бесило. Сейчас... странно, но мне нравится не думать о мелочах. Довериться мужчине полностью.

Через полчаса мы едем по узкой дороге, петляющей между холмов. Стефан за рулем, я рядом. Его рука лежит на моем колене.

За окном мелькают ели под снежными шапками, редкие домики с красными крышами.

— Куда мы едем?

— В город. За украшениями.

— Украшениями?

Он бросает на меня удивленный взгляд.

— Ты никогда не готовилась к Рождеству?

— Покупала елку в супермаркете, вешала гирлянду из «Икеи». Это считается?

Стефан качает головой.

— Нет, детка. Это не считается.

«Детка» — он называет меня так, только когда снисходительно что-то объясняет, как мужчина женщине, которая ничего не понимает в серьезных вещах.

Городок встречает нас мощеными улочками и запахом корицы.

Стефан паркуется у небольшого магазина с вывеской на норвежском — я не умею читать эти длинные слова с произносимыми буквосочетаниями.

Полки магазинчика заставлены деревянными фигурками, красными свечами, плетеными корзинками. Все выглядит дорого и аутентично — никакого пластика, никакого блеска.

Стефан берет большую корзину и начинает складывать туда украшения. Не спрашивает мое мнение — просто выбирает сам.

Красные конусообразные свечи. Деревянных лошадок, покрытых замысловатой росписью. Гирлянду из настоящих сосновых шишек.

— Это что? — спрашиваю, показывая на маленьких гномиков в красных колпаках.

— Домовые. Они охраняют дом зимой.

— И ты веришь в это? — Я вскинула брови.

— В Норвегии зима длинная. Лучше не рисковать.

Он говорит серьезно. Кладет в корзину целую семью гномиков — больших и маленьких.

Продавец — пожилой мужчина с седой бородой — что-то говорит Стефану по-норвежски. Длинную фразу, в которой я различаю только пару слов.

Стефан отвечает коротко, и мужчина смеется.

— О чем вы говорили?

— Он спросил, первое ли это Рождество для моей жены. Я сказал — да.

Слово «жена» заставляет меня замереть — мы никогда не обсуждали наши отношения в таких серьезных терминах.

Просто живем вместе, спим в одной постели, делим быт. Но «жена»...

Он говорит это так естественно, будто само собой разумеется, что он будет меня чему-то учить. Что я ученица, а он — наставник.

На кассе он расплачивается наличными, не позволяет мне даже потянуться к сумочке. За этот месяц я перестала предлагать заплатить за что-то.

Стефан зарабатывает в десять раз больше меня, и считает естественным обеспечивать нас обоих.

— Теперь елка, — говорит он, когда мы грузим покупки в машину.

Елочная ферма находится за городом. Ряды пушистых деревьев разного размера, запах хвои, скрип снега под ногами.

Стефан ходит между рядами, внимательно осматривает деревья. Трогает ветки, проверяет ствол.

— Эта, — наконец говорит он, останавливаясь у ели почти в два метра высотой.

— Она огромная.

— У нас высокие потолки.

«У нас». Еще одна фраза, которую он произносит как данность. Его дом стал нашим домом. Его жизнь — нашей жизнью.

Рабочие срубают елку, упаковывают в сетку, грузят в его внедорожник. Стефан снова платит наличными, щедро дает на чай.

По дороге домой заезжаем в продуктовый. Стефан покупает ингредиенты для какого-то традиционного печенья — мука, масло, специи с названиями, которые я не могу запомнить.

— Будем печь? — спрашиваю я.

— Я буду печь. Ты будешь смотреть и учиться.

Снова «учиться». Но в его устах оно не звучит унижительно. Скорее... интимно. Он хочет передать мне что-то важное, поделиться своим миром.

Дома он сразу берет командование на себя. Указывает, где поставить елку — в углу гостиной, у больших окон.

Сам развязывает упаковку, устанавливает дерево в массивную подставку.

Елка действительно огромная — макушка почти касается потолочной балки.

— Красивая, — говорю я.

— Пока что это просто дерево. Подожди.

Стефан достает украшения из пакетов, раскладывает на столе. Все делает методично, без спешки. Фиксирует красные свечи на специальных металлических держателях, проверяя каждую.

— Настоящие свечи на елке? Это безопасно?

— Веками норвежцы так делали. Никто не сгорел.

В его тоне слышится легкая насмешка. Мол, изнеженная девчонка боится огня.

Я молча подаю ему игрушки по одной. Деревянных лошадок, красные шары из матового стекла, серебряные звездочки.

Стефан размещает их на ветках с хирургической точностью — симметрично, продуманно.

— Почему ты не позволяешь мне помочь?

Он останавливается, смотрит на меня. В его взгляде что-то темное, хищное.

— Потому что я делаю это для тебя.

От этих слов становится тепло. Мне нравится, что он хочет сделать что-то специально для меня.

Украшение елки занимает больше часа. Когда Стефан зажигает свечи, гостиная наполняется мягким золотистым светом.

Никаких ярких огней, никакой мишуры — только живое пламя на хвойных лапах. — Волшебно, — шепчу я.

Стефан обнимает меня сзади, притягивает к себе. Его губы касаются моей шеи.

— Это еще не все.

Мы идем на кухню. Стефан достает продукты, начинает готовить тесто для печенья. Я сижу на барном стуле, смотрю, как работают его руки.

Большие, сильные пальцы замешивают мягкую массу.

— Рецепт от моей бабушки, — говорит он. — Каждый день в декабре мы пекли такое печенье.

— Расскажи мне о ней.

— Строгая женщина. Требовала, чтобы все делалось правильно. — Он раскатывает тесто.

— Говорила: «Йоль приходит только к тем, кто готов его встретить».

— И как правильно встречать Йоль?

Стефан смотрит на меня, улыбается.

— Увидишь.

Мы вырезаем фигурки из теста — звездочки, сердечки, человечков. Стефан показывает мне, как правильно держать формочку, как аккуратно переносить фигурки на противень.

Пока печенье в духовке, он разжигает камин в гостиной. Настоящие дрова, живой огонь. Дом наполняется запахом дыма и выпечки.

Я лежу на медвежьей шкуре перед камином, смотрю на огонь. Стефан приносит два бокала глинтвейна — горячего, пряного, обжигающего горло.

— Это глэг, — мягко поправляет он мое неточное определение, — настоящий норвежский глэг, а не обычный глинтвейн.

Садится рядом со мной на шкуру. Огонь отражается в его серых глазах, делает их почти золотыми.

— Не жалеешь, что приехала сюда? — спрашивает он.

— Почему должна жалеть?

— Не знаю, не скучно тебе тут?

Я пожимаю плечами.

— Не скучно.

— Серьезно?

— Серьезно. Мне... спокойно здесь.

Стефан кивает, будто это именно то, что он хотел услышать. Он ставит свой бокал на пол, поворачивается ко мне.

Его рука ложится мне на затылок, пальцы зарываются в волосы.

— Хорошо, — его голос стал ниже. — Потому что это только начало.

Он целует меня — медленно, глубоко. Глег оставляет послевкусие корицы и кардамона. Поленья в камине потрескивают, создавая неповторимый уют.

Его руки скользнули под мою кофту и быстро находят уже затвердевшую цель. Я выгибаюсь под его прикосновениями, и он укладывает меня на мягкий мех.

Одна рука спускается вниз, проскальзывает под резинку моих штанов и трусов одним решительным движением.

Стефан не спешит, его пальцы исследуют меня с нажимом, который заставляет меня дрожать. Он наблюдает за моим лицом, за каждым вздохом, за тем, как мои веки смыкаются в наслаждении.

Он знает, что делает, будто знает мое тело лучше, чем я сама.

— Стефан...

— Тише, — шепчет он, целуя мою ключицу. — Не говори ничего.

Он освобождает свою руку, и я слышу звук расстегивающейся молнии, звяканье ремня.

Одна сильная рука стягивает с меня низ и отбрасывает все в сторону, обнажая перед жаром камина.

Его руки скользят под мои колени, сгибают и властно приподнимает мои ноги, открывая меня полностью.

Стефан входит не медленно, а одним властным, сокрушительным толчком, разрывая меня до самой глубины.

Воздух вырывается из моих легких с резким, бесконтрольным криком.

Мое тело вздрагивает, пытаюсь приспособиться к его внезапному, обжигающему размеру, но он не дает ни секунды на привыкание.

Его руки, державшие мои бедра, впиваются в плоть почти до боли, фиксируя меня на месте. Он не останавливается.

Не замирает. Его ритм начинается сразу — не глубокий и размеренный, а порывистый, жадный, безжалостный.

Каждый следующий толчок вгоняет меня в мех шкуры, грубый ворс царапает обнаженную спину, а звук наших тел — хлесткий, неприличный — заглушает потрескивание огня.

— Закрой рот, — рычит он сквозь зубы, его дыхание горячее и прерывистое у моего уха. — Или я сделаю это за тебя.

Я цепляюсь за его плечи, ногти сквозь ткань рубашки впиваются в мышцы, но не ради опоры — это отчаянная попытка удержаться в реальности, пока он раскачивает мой мир на его крепком, неумолимом стержне.

Мои ноги бессильно соскальзывают с его талии, но он ловит их, грубо закидывает себе на плечи, открывая меня еще больше, входя еще глубже.

От этого нового, невыносимого угла из меня вырывается громкий стон.

Тени на стене пляшут в сумасшедшем, рваном ритме: два сросшихся силуэта, где его фигура доминирует, нависает, поглощает.

Он не смотрит мне в глаза — его взгляд прикован к тому месту, где наши тела соединяются, наблюдает, как он владеет мной, с темным, животным удовлетворением.

Стефан ускоряется. Теперь это не толчки, а сплошное, яростное движение, стальной шторм, смывающий все мысли, всю волю.

Мех подо мной превратился в хаотичный беспорядок, волоочащийся за нами в такт.

Стефан не ведет меня к краю — он тащит, волоком, не спрашивая, готова ли я.

И мое тело, преданное и заведенное, отвечает ему дикой, принудительной волной спазмов, которая накатывает внезапно и сокрушительно.

Я кричу, но мой крик глушит его ладонь, резко прижатая к моим губам.

— Тише, — шипит он, не сбавляя темпа, доводя мою кульминацию до мучительной, бесконечной остроты. — Это ничто. Жди.

И я жду, захлебываясь в собственном наслаждении, пока его движения не становятся резче, хаотичнее.

Он выдыхает мое имя и с последним, глубоким толчком, который бросает мое тело вперед, взрывается искрами оргазма.

Стефан не падает на меня сразу. Он держится на прямых руках, смотрит сверху вниз, его грудь вздымается, на лбу блестят капли пота.

В его глазах все еще горит тот же огонь — огонь обладания, который не погас и с окончанием. Только потом, через несколько тяжелых вдохов, он позволяет своему весу рухнуть на меня.

После мы лежим в обнимку на шкуре. Его пальцы лениво гладят мою спину. Я слушаю, как бьется его сердце, как потрескивает огонь.

— Стефан? — говорю я, не поднимая головы.

— М?

— Сколько девушек у тебя было?

— Зачем тебе знать?

— Любопытно. Я первая иностранка, или у тебя конвейер?

— Ревнуешь? — усмехнулся он.

— Оцениваю конкуренцию.

Стефан фыркает.

— Ты первая, кто не пытается переделать мой дом под себя.

— А предыдущие пытались?

— Розовые подушки, свечи с запахом ванили, фотографии в рамочках.

Я поднимаю голову, смотрю на него.

— Серьезно? И что ты делал?

— Выгонял.

— Понятно. — Я кладу голову обратно на его грудь. — Значит, пока я не лезу с декором, остаюсь.

— Верно.

Поздним вечером, когда Стефан спит, я беру ноутбук и сажусь на кухне. За окном все еще падает снег, превращая мир в бесшумную сказку.

Открываю блог. Последний пост висит уже неделю — читатели в комментариях строят теории о том, где я пропадаю.

Пора написать что-то новое.

Заканчиваю пост вопросами: «Подписчицы, признавайтесь: что вас заводит больше — когда мужчина спрашивает разрешения или когда просто делает? И умеете ли вы получать удовольствие от собственного подчинения в бытовых ситуациях?

Расскажите, в какие моменты вы чувствуете себя самыми желанными — когда активничаете, или когда позволяете мужчине взять полный контроль?

Жду ваших откровений. Калипсо».

Закрываю ноутбук. Закрываю ноутбук и смотрю в окно, где снег продолжает кружиться в мягком свете уличных фонарей, а в доме царят тишина и уютное тепло.

Завтра Стефан покажет мне новые традиции, и я снова буду учиться быть его женщиной. Его женой, как он сказал продавцу.

Глава 2. Экзамен для хозяйки

Дом наполнен ароматами утренней готовки и мелодичным норвежским бормотанием — Стефан встал раньше меня и превратил кухню в настоящую кулинарную мастерскую.

Натягиваю его белую рубашку, которая насквозь пропитана его мужским запахом, и босиком топаю на кухню.

Перед ним на всех поверхностях развернут настоящий кулинарный полигон — множество кастрюль, сковородок, мисок с ингредиентами.

В одной сковороде золотятся картофельные лепешки, в кастрюле булькает что-то темно-красное и невероятно ароматное.

— Проспала самое интересное, — говорит он, не оборачиваясь, но прижимая мою руку к своей груди, когда я обнимаю его сзади. — Уже делаю заготовки к традиционному рождественскому ужину.

Сегодня вечером мне предстоит встретиться с его ближайшими друзьями, с которыми Стефан дружит еще с университета.

Он называет эту встречу «посвящением в хозяйки дома», и от этих слов где-то в груди разливается неожиданно теплая волна.

Стефан ставит передо мной тарелку с золотистыми лепешками и ярко-красным соусом — лефсе с клюквенным конфитюром.

На вечер же запланированы баранина с можжевельными ягодами, карамелизованная брюква, картофель с укропом и, конечно, глег.

После завтрака он ведет меня в спальню для подготовки к вечеру. Открывает шкаф и неторопливо перебирает мои вещи.

Несмотря на мои возражения, он настаивает именно на красном коктейльном платье.

— Хочу, чтобы они запомнили тебя, — объясняет он, кладя платье на кровать и поворачиваясь ко мне. — Ты теперь часть моей жизни, а значит, и их.

К семи вечера дом преображается до неузнаваемости. Стефан накрывает стол белоснежной скатертью.

Серебряные приборы, высокие свечи в массивных подсвечниках, каждый бокал и каждая тарелка устроились строго на своем месте.

Я стою перед зеркалом в спальне, поправляя красное платье в последний раз — ткань струится по телу как жидкий огонь, туфли на каблуке добавляют роста и уверенности.

— Готова встретить волков? — спрашивает Стефан, появляясь за моей спиной. В черных брюках и белой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

Звонок в дверь прерывает наш разговор. Он целует меня быстро, но глубоко и напоминает:

— Помни, ты хозяйка этого дома.

Стефан возвращается с тремя мужчинами. Первый — высокий блондин в безупречном костюме с квадратной челюстью, холодными голубыми глазами и походкой владельца мира.

— Эрик, — представляется он, протягивая руку. — Слышал о тебе много хорошего.

Второй — коренастый брюнет с бородой и пронизательными темными глазами. Ларс работает в банковской сфере.

Когда он узнает, что я веду блог о путешествиях и людях, то спрашивает, что же заставляет мир крутиться.

— Страсть, — отвечаю я, и он усмехается с явным одобрением.

Третий, Олаф — самый высокий из троих, с добродушным лицом и седеющими висками. Он галантно целует мне руку, представляясь как оленивод и философ.

Я еле сдержала смех от этого описания.

Стефан с довольным видом следит за тем, как я знакоюсь с его друзьями. Когда приходит время подавать ужин, он сообщает, что я буду ему помогать, само собой, не спрашивая моего мнения.

На кухне, нагружая меня тарелками и мисками, он дает краткие характеристики гостей. Эрик управляет нефтяной компанией, и мягкость в его мире воспринимается как признак слабости.

Ларс умен как черт и не терпит женщин, которые притворяются. Олаф — душа любой компании, но за добродушием скрывается характер бывшего военного.

В гостиной мужчины уже расселись за столом и обсуждают цены на нефть, но умолкают при нашем появлении.

Стефан наливает всем глег. Мне, почему-то, достается порция заметно меньше, чем остальным. Тосты звучат за новые знакомства, старую дружбу и женщин, которые не пытаются изменить мужчин.

Ужин начинается неторопливо. Баранина буквально тает во рту, специи играют на языке сложными, изысканными аккордами.

Беседа течет легко — мужчины расспрашивают меня о впечатлениях от суровой северной зимы, о жизни в больших российских городах, о том, что привело меня в Норвегию.

На последний вопрос, не имея возможности рассказать правду о случайной встрече со Стефаном, отвечаю дипломатично о судьбе.

Стефан добавляет романтические детали о нашем знакомстве, и разговор переходит к более философским темам.

— В России мужчины часто воспринимают независимость женщины как угрозу, — объясняю я. — Здесь же мужчины достаточно сильны, чтобы не бояться сильных женщин.

Олаф смеется и задает каверзный вопрос о норвежских феминистках.

Понимая, что это настоящая ловушка, отвечаю максимально осторожно о том, что равенство не означает одинаковость — мужчины и женщины разные по природе, и равенство заключается в праве быть собой, а не в попытке стать копией противоположного пола.

В глазах мужчин мелькает явное одобрение.

Эрик произносит тост за женщин, которые понимают разницу между независимостью и упрямством, а Ларс добавляет, что большинство женщин не понимает ценности гармонии вместо постоянной борьбы.

Постепенно разговор становится более личным. Ларс внезапно спрашивает о моих предыдущих серьезных отношениях — вопрос интимный и неуместный, от которого Стефан заметно напрягается.

И я как-то умудрилась отшутиться.

Около полуночи гости начинают собираться домой.

Прощаясь со мной, Эрик выражает надежду на новые встречи, Ларс напоминает беречь хорошего мужчину, а Олаф в старинном жесте целует мне руку и торжественно произносит:

— Добро пожаловать в семью, дорогая.

Когда за последним гостем закрывается дверь, Стефан оборачивается ко мне с довольной улыбкой.

— Мои друзья тебя одобрили. Ты прошла проверку.

Он целует меня — сначала нежно, потом все жестче и требовательнее. Руки скользят по моей спине, находят молнию платья.

Когда я напоминаю о грязной посуде, он отмахивается — посуда может подождать.

Молния медленно расстегивается с тихим шорохом, и платье мягко соскальзывает вниз, расплываясь у моих ног алой лужицей шелка.

— Ты была идеальной сегодня, — шепчет он, покрывая поцелуями мою шею. — Умной, красивой, правильной.

Его руки уверенно освобождают меня от нижнего белья, и кружевные трусики мягко соскальзывают к лодыжкам.

Я остаюсь перед ним совершенно обнаженной, в то время как он все еще полностью одет.

— Покажи мне, как сильно ты хочешь быть моей, — его голос становится хриплым от нарастающего желания.

Я опускаюсь на колени прямо на холодный мраморный пол прихожей. Стефан расстегивает ремень — он напряжен, горяч и нетерпелив.

Когда он приказывает открыть рот, я безоговорочно подчиняюсь. Стефан входит глубоко, до самого горла, его рука ложится мне на затылок, направляя и контролируя каждое движение.

— Вот так, детка. Покажи, насколько ты мне благодарна.

Я двигаюсь в заданном им ритме — медленно, глубоко, самозабвенно и тщательно, слушая, как учащается его дыхание.

— Хорошая девочка. Моя послушная хорошая девочка.

От этих слов где-то в глубине живота разливается пульсирующий жидкий огонь — быть его покорной хорошей девочкой кажется сейчас самой важной и желанной ролью в моей жизни.

Через несколько минут напряженного ожидания Стефан выходит из моего рта и поднимает меня на ноги.

— В спальню, — командует он низким, хриплым от возбуждения голосом.

В спальне он толкает меня на кровать и властно раздвигает мои ноги, объявляя, что сегодня я заслужила его особое внимание.

Его язык скользит по самым чувствительным местам.

Я выгибаюсь под его ласками, стою от наслаждения, судорожно хватаюсь за шелковые простыни.

Стефан мастерски доводит меня до самого края пропасти и резко останавливается, требуя, чтобы я красиво попросила продолжения.

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Чего именно ты хочешь?

— Хочу почувствовать тебя внутри себя.

— Насколько сильно?

— Больше всего на свете.

— Хорошо, — произносит он с удовлетворением.

Стефан входит в меня одним мощным, сокрушительным движением, и я кричу от внезапности этого вторжения и захлестывающего удовольствия.

Он двигается жестко, властно, безжалостно.

— Моя, — рычит он сквозь стиснутые зубы. — Полностью и безраздельно моя.

— Да, — выдыхаю я, теряя остатки разума. — Только твоя.

— Скажи это громче, чтобы я услышал.

— Я полностью принадлежу только тебе!

— Еще громче!

— Я всецело твоя собственность!

Эти слова вырываются из груди совершенно помимо моей воли, но они абсолютно правдивы.

В этот критический момент я действительно принадлежу ему целиком — телом, душой, каждым вздохом, каждым ударом сердца.

Стефан стремительно ускоряется, и весь мир сужается до острого ощущения его присутствия внутри меня — горячего, мощного, абсолютно неумолимого.

— Кончай, — приказывает он.

И я повинуюсь — кончаю долго и громко. Волна за волной накрывает меня с головой, унося в бездну чистого наслаждения.

Стефан достигает собственного пика следом за мной, изливаясь глубоко внутрь со стоном полного удовлетворения.

Мы лежим в тесных объятиях, его пальцы лениво и нежно поглаживают мои все еще влажные от пота волосы.

Он шепчет, что завтра Рождество, и велит спать.

Но уснуть не получается. Встаю с постели, беру ноутбук и тихо спускаюсь в гостиную, где сажусь на диван и открываю свой блог.

Пишу о том, как неожиданно приятно оказаться предметом искренней мужской гордости.

Завершаю пост традиционными вопросами к аудитории: «Получаете ли вы искреннее удовольствие от того, что мужчина открыто гордится вами как своей исключительной собственностью? Где именно проходит невидимая граница между романтическим доминированием и банальным бытовым контролем? И будьте честны — приятно ли вам иногда полностью отключить голову и превратиться в красивое, безмолвное дополнение к сильному, уверенному в себе мужчине? Калипсо.»

Закрываю ноутбук и тихо возвращаюсь в спальню, где осторожно укладываюсь рядом с мирно спящим Стефаном, стараясь его не разбудить.

Завтра Рождество, и я до сих пор не знаю, чего именно хочу получить в подарок.

Глава 3. Первое Рождество

Стефан будит меня поцелуем в плечо. За окном еще темно, но он уже одет — джинсы, серый свитер, волосы влажные после душа.

— Который час? — бормочу я, зарываясь лицом в подушку.

— В Йоль не спят до обеда. — Одеяло летит на пол одним движением. — Вставай.

— Зачем так рано?

— Сначала завтрак. Потом подарки.

В гостиной елка мерцает огоньками в полумраке. Стефан зажигает свечи на камине — настоящие, восковые, с запахом ванили.

За окном начинает светать, превращая снежный пейзаж в акварельную картину.

— С Рождеством, — он оборачивается, и на лице расцветает довольная улыбка.

— С Рождеством, — отвечаю я, подходя к нему.

Стефан обнимает меня и целует в макушку. Теплыми сильными руками он прижимает меня к себе, и я чувствую тепло его тела сквозь свитер.

Мы идем на кухню, где пахнет корицей и кардамоном. Стефан подходит к сковороде, переворачивает тонкую лепешку.

— Готовлю лефсе, — объясняет он. — Моя бабушка делала их каждое Рождество. Говорила, что если блин не получится идеально круглым, год будет неудачным.

— И как у тебя с кругами?

— Посмотри сама. — Он приподнимает лепешку лопаткой. — Думаю, этот год будет отличным.

— Позволишь мне испортить семейную традицию? — Тянусь к сковороде.

— Эй, королевы не готовят на Рождество. — Он перехватывает мою руку, целует ладонь.

Стефан усаживает меня за стол, застеленный белоснежной скатертью. Подает блины с клюквенным вареньем и сметаной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.